

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.15>

UDC 81'42:808.1
LBC 81.055.52

Submitted: 06.04.2020
Accepted: 14.09.2020

**“PHILOSOPHY OF THE NAME” BY S. BULGAKOV
(COGYTOLOGICAL INTERPRETATION)**

Alexander I. Fefilov

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Abstract. The paper focuses on the interpretation of the basic linguo-philosophical views of S.N. Bulgakov set out in his work *Philosophy of the Name* (1920, 1953). Philosopher and theologian S.N. Bulgakov expresses opinions on the essence of a word from the point of view of cogitology. The author interprets S.N. Bulgakov's explanations of such integrative terms as “word-thought”, “logos” and “sound word”. S.N. Bulgakov declares that a word is equated to an enlightened logos as a unity of words and thoughts, words and deeds, words and things. According to the philosopher, the meaning of a word is an idea embodied in the sound form of a word. In speech, the word-meaning turns into a word-thought. A thought comes true due to a speech-word. Language as a means of expression exists in its complete form long before the act of its designation. A thing is revealed in its name. The article also reveals the views of S.N. Bulgakov on words from the root, verbs-linker and pronouns that do not have their own content. The author believes that the results of the analysis in the article can enrich our ideas about language as an instrument of naming, designation and expression (cognitive aspect), and as a means of speech activity (communicative aspect).

Key words: cogitology, cognition, speech, thought-word, speech-word, objectification, representation, S. Bulgakov.

Citation. Fefilov A.I. “Philosophy of the Name” by S. Bulgakov (Cogytological Interpretation). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 190-203. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.15>

УДК 81'42:808.1
ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 06.04.2020
Дата принятия статьи: 14.09.2020

**«ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ» С. БУЛГАКОВА
(КОГИТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)**

Александр Иванович Фефилов

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Россия

Аннотация. Цель статьи заключается в интерпретации основных лингвофилософских позиций С.Н. Булгакова, изложенных в его сочинении «Философия имени». Взгляды философа-богослова на сущность слова излагаются автором статьи с позиций когитологии (науки о языковом сознании и речевом мышлении). Толкуются вводимые философом интегративные по характеру понятия «слово-мысль», «звуковое слово» и «логос» (единство слова и мысли, слова и идеи, слова и вещи). Критически осмыслены основные положения концепции философа о значении как идее, заключенной в звуковой словесной форме; о трансформации в речи слова-значения в слово-мысль; о речеслове как посреднике, благодаря которому мысль становится

явью. В общенаучный контекст включается идея о языке как средстве выражения мысли, существующем в готовом виде задолго до акта обозначения, а также идея о том, что в имени самораскрывается вещь. В статье излагаются взгляды С.Н. Булгакова на некоторые частеречные характеристики слов: на корневые имена существительные, глаголы-связки, местоимения, не имеющие собственного содержания. Результаты исследования могут обогатить научные представления о языке как инструменте называния, обозначения и выражения (когнитивный аспект) и как средстве речевой деятельности (коммуникативный аспект).

Ключевые слова: когнитология, мышление, речь, мыслеслово, речеслово, объективация, репрезентация, С. Булгаков.

Цитирование. Фефилов А. И. «Философия имени» С. Булгакова (когнитологическая интерпретация) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 190–203. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.15>

Введение

Цель данной статьи – истолкование в русле современной когнитивистики, в частности когнитологического направления исследования языка и сознания, речи и мышления [Фефилов, 2004; 2012], лингвофилософских взглядов Сергея Николаевича Булгакова, русского философа и богослова.

Исторически сформировавшиеся в недрах философии и лингвистики научные представления о языке, как правило, связаны с признанием его многоаспектной инструментальной функции, объединяющей семиотическую (обозначения, выражения), коммуникативную (общения, побуждения), когнитивную (познавательную) функции; и базируются на диалектическом триадном взаимодействии *языка, сознания, действительности*. При этом компоненты данного триединства толкуются по-разному в зависимости от концептуальных, теоретических установок или часто вообще не получают более или менее внятных определений.

Комплексный, системный подход к пониманию указанных компонентов и их отношений реализован в работе «Философия имени» прот. С. Булгакова, полностью опубликованной в 1953 г. в Париже в издательстве «YMCA-PRESS»¹.

Словомысль

Прежде чем говорить о познавательной функции имени, то есть о соотношении слова с мыслительными понятиями, С. Булгаков определяет суть имени, вскрывая его структурные элементы (звук, значение, грамматическое наслоение и лексическое содержание), и

истолковывает далее их внутренние и внешние связи.

Исходное положение его концепции состоит в том, что «познание совершается в слове и через слово», а «мысль неотделима от слова» (с. 7). Действительно, с одной стороны, мысль заключена в слове в статусе значения (семантика); с другой стороны, множество взаимосвязанных мыслей ассоциируется посредством звуковой грамматически оформленной оболочки и семантической основы слова. Давая онтологическую характеристику слову, критикуя филологов и философов за метафизические определения слова и за то, что в слове они усматривают лишь «орудие изложения мысли» (с. 8), С. Булгаков предлагает говорить не просто о каком-то слове как звуковой оболочке мысли, а о *словомысли* («слово-мысль») или *мыслеслове* («мысль-слово»). Слово-мысль существует в готовом виде и предшествует речи (высказыванию). Мышление человека осуществляется в словах – в форме слов. Разум человека изъясняется словами. Здесь автор сближает *слово* с греческим *логосом*, который для него и есть слово-мысль. Данное понятие неоднократно уточняется по ходу изложения, ср.: «*λόγος* – есть не только слово, мысль, но и связь вещей» (с. 45). Таким образом, *логос* толкуется как кварталатеральное единство: Слово – Мысль – Связь (дело, действие, отношение) – Вещь.

Слово состоит, прежде всего, из «соединения звуков голоса и шумов» (с. 45). Это звуковая масса слова, его тело. *Звуковое слово* существует в двух ипостасях – как произносимое и как идеальный образ. В лингвистике этот идеальный образ стали называть «акустической», «акустическим образом», «акустемой».

Физическая сторона отдельных звуков слова важна, но еще важнее соединение звуков, из которого складывается, как мы догадываемся, мелодия и интонационный рисунок слова («музыкальная фраза»). Слово, как произносимое (проявившийся идеальный образ, вышедший наружу), так и произносимое (неозвученное, внутреннее, находящееся во тьме молчания), имеет значение («не беззначно»). Слово, материализованное в письменной или устной речи, используется пишущим и говорящим человеком для сообщения своих мыслей другим людям (= коммуникативная функция). При этом слово-речь переходит в слово-мысль. Однако внутреннее слово «одевает» мысль раньше слова-речи, то есть существует в языковом сознании в готовом виде как единство формы и содержания. Из внутренних слов складывается *внутренняя речь*. Даже не произнося слов, мы говорим про себя, или мыслим словами. Известно, что понятие внутренней речи было позднее теоретически обосновано советским психологом Л.С. Выготским [Выготский, 1934]. Согласно С. Булгакову, тело членораздельного звука обращается в форму слова. Ей философ приписывает особую энергию и силу, а также множество конкретных проявлений. По сути, слово и есть форма мысли. Можно сказать, что и язык в целом является формой мышления. Сущность формы кроется в отношении частей, а именно отдельных звуков слова. Они, как мы знаем, образуют слоги, качество звуков в которых зависит от взаимовлияния или от фонетической интеграции. В речевом потоке звуки артикулируются органами речи, положение которых в ротовой полости обуславливает некоторые закономерности звукового взаимодействия. Слово в сознании говорящего представлено как звуковой знак или как «форма звука» (с. 7). Ее можно сравнить с музыкальным произведением. Однако словесные звуки отличаются от музыкальных тем, что срослись с определенным содержанием, или значением. По С. Булгакову, значение слова – это заключенная в звуковой оболочке какая-то идея. Сколько слов, столько идей. Звуковая форма слова синтезируется с грамматической формой, которая придает слову дополнительные смыслы. Здесь философ затрагивает традиционные в лингвистике проблемы полисемии, когда одному слову соответ-

ствует несколько семиотических смыслов, а также проблему синонимии, когда одно и то же мыслительное понятие о вещи может быть обозначено множеством разных слов. В речи слово реализует лишь одно из своих значений. В этой связи следует заметить, что только в 60-е гг. прошлого века в лингвистике появились четкие терминологические обоснования этого явления. Немецкий лингвист В. Шмидт ввел в научный обиход термины «потенциальное значение слова» и «актуальное значение слова» [Schmidt, 1986].

В главном, или собственном, значении слова уже заложен смысл, который С. Булгаков называет «элементом мысли». О таких «языковенных» мыслительных понятиях говорят, вслед за В. Гумбольдтом, многие приверженцы его идей и современные когнитивисты (см., например: [Die Grenzen der Sprache, 1998; Roth, 2004]). В терминах когнитологической науки это явление можно обозначить как *интериоризацию* (отложение в языковых значениях мыслительных векторов как примитивных прообразов мысли). По справедливому замечанию С. Булгакова, если бы слова были лишены каких-либо смыслов, невозможно было бы с их помощью обозначить соответствующие им мыслительные понятия и тем более выразить их (с. 13). Слово обладает собственным значением только в изолированном виде, то есть на уровне лексикона (по терминологии Ф. де Соссюра – на уровне языка, или языковой системы). В речи слово, сочетаясь с другими словами, участвует в выражении определенных, контекстно обусловленных смыслов. Оно как бы не выделяется «из живого контекста» (с. 14). Таким образом, только в речи слово-значение превращается в слово-мысль.

Слово-мысль не может проявить себя в чистом виде, так как в выражении речевого смысла участвуют все слова, объединенные в предложение. Говоря о том, что «не существует абсолютно изолированного слова» (с. 15), С. Булгаков наводит нас на мысль, что слово на уровне языковой системы является неким искусственным конгломератом форм и значений, которые ему приписал человек. Изолированное слово – это изобретение человека «для нужд общения и мышления» (с. 15). Иначе говоря, это рационально созданный

знак, который используется человеком для передачи информации и самовыражения, то есть для фиксации мыслей и их вербальной репрезентации. Однако это не так: слово – изобретение непреднамеренное.

С. Булгаков считает, что прежде чем обозначить что-то мы должны иметь средство обозначения этого чего-то. Иначе говоря, мы должны иметь язык. Для философа это, скорее всего, вопрос о первичности языка и вторичности мысли. Но! Для того чтобы обозначить мысль с помощью языка, эта мысль должна существовать. Означает ли данный взгляд, что мысль «первее» языка? Для лингвиста-когнитивиста, видимо, так и есть. Рассматривая триаду *язык – сознания – действительности*, целесообразнее было бы говорить о первичности действительности, вторичности сознания и третичности языка по отношению к действительности.

Однако, по мнению философа, инструмент обозначения (язык), должен уже существовать в готовом виде, причем задолго до акта обозначения. Например, чтобы породить звук, нужно иметь соответствующий инструмент – голосовые связки, музыкальный инструмент и т. п. Мысль может рождаться и умирать, то есть появляться и снова уходить в небытие. Приведем известный всем оборот: *Мне пришла в голову мысль*. Пресуппозицией этого высказывания является тот факт, что мысль приходит на ум откуда-то извне. А язык никуда не приходит и не уходит. Он существует в нашем сознании в потенции (в вербальной памяти, в языковой системе) или в актуальном состоянии (в речи). В связи с этим возникает «философский» вопрос: существуют мысли в готовом виде и лишь проявляются, селекционируются посредством языка или они формируются (структурируются, создаются) с его помощью? Вопрос ключевой и открытый в философии языка. Можно допустить, что в готовом виде существуют только «осколки» мысли – так называемые мыслительные понятия, как и, например, в языке отдельные слова. Мысль как сложное (слагаемое) образование порождается в речи, в которой отдельные *словопонятия* сцепляются друг с другом. Данные рассуждения приводят нас к выводу о том, что как языковая система, так и концептуальное сознание представлены в

голове человека в потенциальном, «полуготовом» виде. В акте говорения (в речевом потоке) они актуализируются и реализуются в речемыслительном процессе, результатом которого является выражение мысли.

Подтверждая свой тезис о неразрывной связи слова с мыслью, С. Булгаков пишет: «Мы не можем отмыслить мысль от слова или слово от мысли, так же как не можем отделить от себя свою тень» (с. 17). Однако остается неясным: к чему относится метафорический образ «тени» – к мысли или к слову? Если тень – это мысль, значит, слово соотносит нас лишь с темным, призрачным прообразом мысли, то есть представляет более или менее различимо только форму мысли, не высвечивая ее содержания. Если тень – это слово, представляющее мысль, значит, мысль со своим темным, нерасшифрованным содержанием облекается в более или менее определенную форму слова. Разъяснить мысль можно лишь в речи. Такое разъяснение есть не что иное, как приписывание, означивание – замещение тени лучезарным светом. Мысль высвечивается с помощью *речеслова*, вернее – с помощью сцепленных по смыслу отдельных *речеслов*, или посредством синтеза аналитических элементов. Речеслово – это бывшее словопонятие (а не пустая словесная оболочка!). Не может быть, по мнению философа, что «на одной стороне стоят обнаженные, не одетые в слова мысли, а на другой обесмысленные, но уже готовые принять смысл слова» (с. 17). Такая «логическая противоречивость» допускается только в анализе.

Для анализа как разложения целого на части ничего невозможного нет. В лингвистике слово уже давно поставлено вне мысли, поскольку ему приписана навечно семиотическая, инструментальная функция. Ответ на вопрос о том, какой синтез инструмента и объекта возможен, не так однозначен. Согласно данной логике пояснения, если двигаться в направлении от языка к мысли, то это отношения указания (дейксиса) или включения (инклюзии). Данный вектор напоминает луч фонарика, который указывает нам на освещенный сектор мысли – слово высвечивает мысль. Последнее ассоциирует процедуру ловли сачком летающей бабочки. Если двигаться в обратном

направлении (от мысли к языку), о котором забывают говорить как философы, так и лингвисты, то этот вектор отношений и в онтологическом, и в эпистемологическом плане первичен и наиболее значим. Именно в этом направлении возможен поиск ответа на вопрос, как откладывалась и откладывается мысль в языке – как она объективируется в языковых формах, в знаковой системе языка, чтобы впоследствии самовыражаться. Мысль подготовила для себя средство самопроявления, «вынаруживания». В когнитологических терминах это можно сформулировать так: чтобы экстерииоризироваться, нужно сначала интерииоризироваться. Как уже было указано выше, мысль отложила в языке в виде «наивных» понятий, или значений, с помощью которых она становится явной, понимаемой.

Следует отметить, однако, что языковой инструмент существенно отличается от предметного инструмента, так как опирается не столько на отношение согласованности по форме (ср.: *ковиш* и *вода*), сколько на тождество, или аналогию, по содержанию, ср. значение слова *вода* («бесцветная жидкость для питья, мытья, стирки, полива и т. п.») – мыслительное понятие «вода» («бесцветная прозрачная жидкость, представляющая собою химическое соединение водорода и кислорода и содержащаяся в атмосфере, почве, живых организмах и т. п.»). Процессы объективации мысли и репрезентации (обозначения и выражения) мысли различаются как по направленности, так и по функции. Обозначение мысли посредством слова приводит к интеграции значения и мыслительного понятия. Результатом этого становится выражение. Однако выражается не всегда то, что называется и обозначается, ср.: *Сколько воды утекло!* (= «Прошло много времени!»). Именно в выражении и проявляется творческая и познавательная сила языка, которая закладывается в акте обозначения, когда известное по своему значению слово соотносится с еще не сформулированной идеей или непознанной истиной (см. об этом: [Cassirer, 2001, S.102; Humboldt, 2003, S. 40]).

С. Булгаков неоднократно указывает на невозможность «отмысливания» мысли от слова и слова от мысли, ср.: «[Мы] не можем их связи разорвать, так же как не можем их и слить, отождествить до полного слияния, но мы

сознаем мысль, рожденную в слове и слово, выражающее мысль (двуединство логоса)» (с. 19). Представляется, что философ в данном случае несколько категоричен в высказываниях. Можно согласиться с тем, что нельзя «отмыслить мысль от слова», когда человек использует это слово в соответствии с его прямым, главным значением. В таком случае слово актуализирует в большей степени то, что в нем заложено (значение «сливается» с мыслительным понятием). Отлучение же слова от собственного значения часто происходит в метафорических контекстах, ср. приведенный выше фразеологизм, а также высказывания, в которых происходит постепенное отчуждение слова от заключенной в нем первоначальной мысли, например: *Человек идет – Автобус идет – Фильм идет*. В последнем примере (случай полного «отлучения») глагол *идти* обозначает и, как следствие, выражает «процесс показа» (= «демонстрируется»).

Как мы уже указывали, нецелесообразно отождествлять греческий логос (λόγος) только с единством слова и мысли, как это часто делает С. Булгаков. Это греческое понятие связано также с действием (например, с говорением), ср. *Лес!*, и вещь как отражением в мысли действительного положения дел («вещь в себе»), ср. деревья – *лиственные, хвойные деревья*. Возможно, оно связано и с отражением нашего субъективного отношения к вещи, или нашего мнения о ней («вещь для нас»), ср. деревья – *высокие, красивые деревья*. Кроме того, какая-то мысль зародилась в свое время в слове, но актуальная мысль рождается с помощью слова, но не в нем самом.

С. Булгаков выступает против полного отождествления мысли и слова, а также отвергает точку зрения, согласно которой человек может мыслить без слов. Он не согласен с «психологистами», которые утверждают, что слово и есть сама мысль, а мысль есть не только предмет, но и само слово: «Однако, мысль не есть слово, ибо пребывает в себе, и слово не есть мысль, ибо имеет свою собственную жизнь» (с. 18). Это означает, что не следует отождествлять вербализованную мысль (= значение) и мысль репрезентируемую (обозначаемую), ср.: «Нет мысли, не воп-

лощенной в слове, и нет слова, не воплощающего мысль» (с. 19). В терминах когнитологии это положение можно сформулировать следующим образом: в языковой форме воплотилась и воплощается ретроспективная мысль (идея, понятие, знание), получая статус значения. Слово предстает как билатеральная единица, как единство формы и значения. Звуковая форма слова, пусть даже грамматикализованная, это еще не слово, а только его часть. В акте репрезентации участвует как звуковая оболочка, так и значение слова. Языковая идеальность соприкасается с мыслительной идеальностью. Звук материализует, делает явным для осознания результат взаимодействия двух идеальностей – языковой и мыслительной (подробно об этом см.: [Фефилов, 2010]).

С. Булгаков неоднократно указывает на то, что *словомысль*, или *мыслеслово*, как интегративная единица предполагает наличие не только чего-то общего между словом и мыслью, но и их различия, которые, как мы считаем, обусловлены самой диалектикой развития данных категорий. Язык консервативен – в нем зафиксированы предшествующие состояния мысли. Мысль динамична, прогрессивна, она вынуждена облекаться в устоявшиеся, исторически сложившиеся («старые») формы языка. Результаты расхождений способствуют порождению новых мыслительных понятий.

Слово в речи, включающее в себя «внутреннее слово», призвано, по мнению С. Булгакова, пробуждать мысли в человеке, благодаря которым люди устанавливают связь друг с другом. Думается, что «внутреннее слово» философ толкует как понятийное, мыслительное ядро слова, некий инвариант, или «общее значение» (по Р. Якобсону), на которое наслаиваются различные семантические варианты, модифицирующие признаки, присущие языку, и разные в каждом конкретном языке. Понятийное ядро, или «внутреннее слово», – это то, что характерно для всех языков; то, что их объединяет и делает возможным понимание при переводе или в устном и письменном межъязыковом взаимодействии. «Внутреннее слово» оживает в речи. Разговаривающие на разных языках люди связаны им.

С. Булгаков высказывает мнение, что «не люди соединяют себя словами, употреб-

ляя язык как средство взаимопонимания или орудие сношений, но слова соединяют людей... В нас говорит мир, вся вселенная, звучит ее голос» (с. 22). «Он [человек] должен слушаться вещи, прислушиваться к ее самооткровению, внимать, что она ему скажет» (с. 22). «Имя есть самооткровение вещи» (с. 68). С данным мнением перекликается мысль немецкого философа М. Хайдеггера, который утверждал, что не мы говорим, а язык говорит в нас и что человек говорит на языке вещей. Вещи вещают, говорят с нами, сообщая нам о чем-то [Heidegger, 1960, S. 181]. Для С. Булгакова слово космично, оно принадлежит не только человеческому сознанию, но и бытию в целом, «слова-идеи суть голоса мира», «символы мира» (с. 23, 24 и др.). Однако слова не могут рождаться вне человеческого сознания.

Затрагивая архитектуру слова, философ отмечает, что его корень («корнеслов») – это первоэлемент речи, поскольку на его основе создаются новые слова. Речь – это естественная среда для словотворчества. В то же время человек не придумывает новые слова произвольно. Он создает их на материале языка, к которому приобщается как к некой данности. Язык открывается человеку. При этом некоторые аббревиатуры и богомерзкие («совдеповские») имена С. Булгаков считает искусственными, не живыми словами, а манекенами слов, словами-вампирами.

В формулировке «слова не сочиняются, а осуществляются» выражается идея того, что словесный язык существует изначально в готовом виде (как божье творение) и человек лишь приобщается к языку, открывает его для себя. В таком случае, в соответствии с данным теологическим подходом, участь говорящего субъекта, носителя художественного слова, лингвиста заключается лишь в том, чтобы открывать закономерности говорения и использовать их в своих коммуникативных, культурологических и языковедческих целях. Эта мысль перекликается со взглядами немецкого философа Г. Фреге, который говорил, что человек не придумывает законы бытия, он лишь открывает их [Frege, 2001, S. 70, 86]. Эти законы развития и существования мира придумал и заложил в бытие мироздания Бог. Открывая их с помощью языка и мысли, люди познают их.

Человек понимает свой родной язык, «ибо язык один и множественны лишь его модусы – наречия» (с. 37). «Внешний» язык – явление социально-историческое, он изменяется. «Внутренний» язык, наоборот, явление константное. Ему человек не научается, он в человеке «возникает», потому что он эквивалентен самой мысли.

Точно так же, как глаз образовался потому, что есть внешний свет, органы речи и слуха появились потому, что есть внешний звук как мировая энергия. Делая акцент на звуковой стороне слова, С. Булгаков готов считать первоэлементом речи не только корнеслов, в котором заключена идея, но и букву (у него это – звук), ср.: «Буквы, или голосовые звуки, действительно выражают некоторые первоначальные космические качества» (с. 41). Следует заметить в этой связи, что качество отдельных звуков и звукосочетаний само по себе вне словесного смысла представляет особой самостоятельную знаковую систему, предназначение которой пытаются объяснить представители фоносемантики. Так, в соответствии с «цветовой теорией», возникшей в XVII в., а позднее и в символизме XIX–XX вв., звуку [и] приписывали ассоциацию с белым цветом, а звуку [а] – с черным цветом. В немецкой фонологической терминологии закрепился даже метафорический термин «*dunkles A*» («темная А»). Иногда отдельные признаки словесного значения усиливаются своими смысловыми аналогами, синтезированными в звуковой оболочке. Например, в слове *лилия* (цветок белого цвета) повторение звука [и] усиливает ассоциацию с белым цветом. Аналогичную активизирующую, усиленную функцию по отношению к лексическому значению выполняют мотивационные признаки слова, синкретизированные с акустическим образом слова, ср.: *белок, желтуха, крапивница*.

Грамматически оформленное слово (речеслово)

Утверждая, что слово произошло из корня, С. Булгаков указывает на то, что первоначально слова не имели грамматического оформления, поскольку у них отсутствовали флексии. Слова сформировались как части

речи. Получив статус речеслов, они стали функционировать как члены предложения. Имя существительное стало представлять идею в «опредмеченном» качестве. По мнению философа, в нем скрыт еще и «онтологический жест: это есть», ср.: *свет = это есть свет*. В терминах когнитологии это означает: имя существительное содержит имплицитный смысл существования (бытийности, экзистенциальности) опредмеченной идеи о вещи, о свойстве и качестве, об отношении и др., ср.: *Что это? – стол (= Это есть стол); Что это? – краснота (= Это есть краснота); Что это? – бег (= Это есть бег)* и т. д. При этом под опредмеченностью (что это?) должна пониматься грамматическая предметность (чаще квазипредметность), которая не всегда совпадает с логико-мыслительной предметностью. По С. Булгакову, грамматическая предметность характеризуется тем, что включает в себя имплицитно признак существования (экзистенциальности), что, несомненно, является важной лингвофилософской новацией.

До периода сформированности грамматических форм, согласно лингвистическим исследованиям, существуют корневые слова (ср.: *бел, стой*), которые, оформляясь грамматически, превращаются в части речи (ср.: *белизна, белый, белеет, белеющий; стойка, стойло, стоит, стоящий, стойкий* и др.). Чтобы определить «грамматический и лексический вклад» в осознание слова, в языкознании уже предпринимались попытки выделить чистые грамматические структуры, лишённые лексического наполнения, но обладающие грамматическим значением частеречности. Достаточно заполнить грамматическую структуру «неотмеченным» лексическим содержанием, или искусственным корнем, и мы получим множество частеречных образцов. С учетом же словообразовательных возможностей их количество может увеличиться во много раз. Приведем такой искусственный пример: *коч – коча, кочатка, кочище, кочина, кочищик, кочетник, кочинка; кочить, кочиться; кочащий, кочимый* и т. д.

В глаголе как части речи заключена грамматическая идея действия (что делать?): *колотить, идти, сидеть, спать, цвести, светить* и др. По мнению С. Булгакова, «в раз-

личении имени существительного и глагола, субъекта и предиката заключен первичный акт мышления и познания» (с. 49). Имя существительное в роли подлежащего «есть то, о чем говорится» (с. 50). Соответственно, глагол в функции сказуемого сообщает нам что-то об идее, заключенной в подлежащем имени существительном. Познавательная функция языка проявляется, таким образом, в субъектно-предикатном отношении. Здесь следует лишь заметить: то, о чем говорится, не есть то, о чем мыслится. Например, в предложении *Стол стоит у стены* говорится о каком-то столе, который находится у какой-то стены. На мыслительном уровне «оречевляются» следующие понятия: предмет мебели, называемый *столом* (род – вид – имя), состоящий из ножек и столешницы, который (статично) локализован рядом с другим (вертикальным) предметом (частью другого предмета – комнатой, кухней, кабинетом), или ср.: *X* локализован в трех пространствах – находится в пространстве помещения *Y*; находится в положении стоя на полу; находится в пространстве рядом с другим предметом *Z* (= у стены). Здесь необходимо задуматься над следующими вопросами: насколько осознается эта мыслительная цепочка в речевом потоке? как осознается мысль говорящим и слушающим? может быть, понимание и толкование всего лишь наша рациональная интерпретация? стоит ли подводить мысль под рациональную аналитическую формулу? возможно, понимание – это не рациональная, аналитическая, а интуитивная синтетическая категория?

Однако насколько рационален в своих суждениях сам С. Булгаков? Глагольность эквивалентна связке – считает он, по-видимому исходя из того, что некоторые простые предложения, состоящие из существительного-подлежащего и глагола-сказуемого (*Мужчина поет*), можно трансформировать в связочные конструкции (*Мужчина – певец. Мужчина занимается пением*). «Глагольная форма личная может быть выражена как причастная плюс связка» (с. 71). Имеются в виду трансформации типа *Он пьет = Он (есть) пьющий*. Философ пишет, что глагол-предикат предикатирует (= сообщает что-то о подлежащем в форме имени существительного). К тому же глагол-предикат «именует». Это

происходит благодаря причастию, выполняющему функцию имени прилагательного. Ср.: «Ибо и глагол именует, предикатирует» (с. 71). Подлежащее выражается «через другое», то есть через предикат. Бытие, воплощаемое именем существительным в позиции подлежащего, переходит из статуса ноумена в статус феномена. Потенциальное становится актуальным. Предмет, обозначаемый именем, «выказывает» свое свойство (модус) на данный момент существования.

Справедливости ради следует заметить, что сведение глагола в форме сказуемого к причастию и к его значению качества (*делает = есть делающий*) переносит акцент утверждения с действия на субъект действия (*он есть...*) – сообщается «какой он», а не «что он делает». Объяснение предложения через его трансформации неизбежно приводит к подмене понятий и искажению истины. При объяснении А через Б подбирается аналог (Б) для исходного понятия (А), а в конечном счете заменяется А на Б.

Таким образом, С. Булгаков сближает языковое явление с логическим, а по сути – смешивает языковую категорию с логической: *Я сделал = Я емь сделавший*, где субъект выступает как определяемое, а предикат как определяющее. Приоритет в субъектно-предикатной связке отдается не предикату как основному компоненту суждения (утверждения чего-то нового), а субъекту как тематическому ядру, как исходной данности. Однако, как нам представляется, если переместить акценты на предикат, то предложение *Я сделал* получит иное толкование, ср.: *Я сделал* = (1) то, что я делал, я имею сделанным (это перспектива объекта, на который было нацелено действие); (2) то, что я делал, я больше не делаю (действие завершено во времени).

Затрагивая проблему грамматического рода, С. Булгаков практически уравнивает эту морфологическую категорию с логико-мыслительной категорией пола: «Грамматический род, в котором человеческие различия пола, мужского и женского, применяются ко всем именам существительным. Иначе говоря, мифологическая мысль грамматического рода сводится к тому, что все имеет пол» (с. 50). Средний род рассматривается им как отсутствие или отрицание рода.

Согласно С. Булгакову, бессодержательное, абстрагированное от частных местоимение включает в свою пустоту все бытие. Как высочайшая абстракция, оно объемлет весь мир. В силу его ноуменальности (бесконечности, неподвластности познанию) ему нельзя приписать определенный смысл, кроме, пожалуй, указания на бытие, ср.: «местоимение есть символ ноуменальности...», «на вопрос о смысле местоимения... нет ответа» (с. 55). В отличие от местоимения, не имеющего собственного содержания, слово, в частности имя существительное, «реально». Можно было бы сказать, что знаменательные имена суть символы (знамения) какого-то бытийного содержания. В этом понимании они не ноумены («вещи в себе», то есть непознаваемые вещи), а феномены («вещи для нас», то есть частично познанные вещи). Местоимение – это «трансцендентальная категория языка», всего лишь форма, в которую облачается бесконечное бытие. С. Булгаков пишет: «Даже при отсутствии подлежащего подразумеваемое, примышляемое местоимение его заменяет. <...> Скрытое местоимение через спряжение царит в языке» (с. 59). Имеются в виду бесподлежащие конструкции типа *Говорят, что...; Подумал, что...*, которые являются усечениями исходных предложений *Они говорят, что...; Я подумал, что...*

Имя – центральное понятие в богословской концепции С. Булгакова. «Имя есть скрытое суждение» (с. 59), ср.: *Певец = Он певец* или *Он поет*. Может создаться впечатление, что философ понимает под словом суждение усеченное, элиминированное. Еще К. Бругман говорил о том, что слово является осколком более крупной синтагмы (словосочетания) или даже представляет собой усеченное предложение [Brugmann, 1904]. Это можно наблюдать на синхронном срезе любого языка, например русского: *носильщик* (багажа), (стальная) *каска*, *приемная* (комната), *военный* (человек). Только благодаря таким усечениям становятся возможными транспозиционные переходы из одной части речи в другую, например прилагательных в существительные, ср.: *белые, черные* (фигуры в шахматах), *красные, белые* (красногвардейцы, белогвардейцы); «качественных» существительных в «предметные», ср. *высота* горы – *высота*

(взять *высоту*). Однако у С. Булгакова именное слово – скорее свернутое суждение, лишённое предикативной (утвердительно-экзистенциальной) связки, чем элиминированная синтагма или пропозиция. Слово – это мысль, свернутый предикатив, ср.: *Это (есть) стол = стол*. Подобного рода трансформации можно интерпретировать и иначе, ср.: (1) Это предмет, который называется *столом*; (2) Данный предмет относится к классу мебели и именуется *столом* и т. п. Исходя из трансформации (1) слово *стол* можно толковать как результат логизации (= предмет) и номинации (= называется). В трансформации (2) можно не только усмотреть акт предшествующей номинации, то есть зарождения слова *стол* как такового (не вспоминая о том, что имя *стол* этимологически восходит к мыслеслову «стлать»), но и увидеть также реализацию категории определенности (данный предмет) и родо-видовую принадлежность (класс мебели). Здесь вновь возникает вопрос о том, не являются ли такого рода интерпретации рациональными, не имеющими ничего общего с естественной природой языка. Наши представления о языке не всегда совпадают с языковой сущностью. Это всего лишь наши мнения о языке.

Согласно С. Булгакову, имя существительное – связующее звено между ноуменом и феноменом. В переводе на современный «облегченный» (терминологически не отягощенный) лингвофилософский метаязык это означает, что слово соотносит реальную вещь с ее идеальным представлением в сознании человека (мыслительным понятием). С одной стороны, это отражение в направлении от вещи к ее мыслепонятию (= процесс познания). С другой стороны, это категоризация в направлении от мыслепонятия к вещи (= придание смысла вещи; означивание, «опонятывание» вещи).

Как отмечает С. Булгаков, известное логическое тождество «А есть В» должно рассматриваться с учетом «самотождества» «А есть А, В есть В», из которого и следует, что «А есть не-А, и это не-А есть В» или «А есть А и не-А». Делаем вывод, что в каждом имени скрыта «кантовская» антиномия. Это противоречие возникает из-за связки *есть*, которая «выражает способность вещей

выходить из себя и быть в другом, а потому и выражаться через другое», и разрешается благодаря ей же (с. 71). В этом проявляется «трипостасность» бытия: А есть А, А есть не-А, А есть В. Сказанное проиллюстрируем следующим примером: *Этот человек преподает в вузе*, где (1) Он есть человек; в то же время (2) Он есть не только, не просто человек; а (3) Он есть преподаватель. Исходное предложение-высказывание распадается на логико-мыслительном уровне на три акта суждения, а именно: (1) на экзистенциальную идентификацию; (2) порождение противоречия как иной возможности бытия; (3) реализацию иной возможности бытия.

С. Булгаков утверждает, что «подлежащее местоимение без имени слепо, а имя-сказуемое без подлежащего пусто» (с. 73). Если, с опорой на это высказывание, сравнить два предложения (а) *Он читает книгу* и (б) *Пассажир читает книгу*, то можно установить, что (а) местоименное подлежащее *Он* указывает в данном контексте на кого-то, кто является единичным одушевленным существом мужского пола. Это происходит только благодаря глагольному сказуемому *читает*. *Он* может соотноситься с множественным (совокупным) неодушевленным субъектом. Причем свойством субъектности наделяет его говорящий человек, ср.: *Он* (= лес) *шумит*. Вопрос о принадлежности к полу в последнем примере отпадает сам собой. Противоречие возникает между языковым категориальным значением единственного числа и логико-мыслительной множественностью. В примере *Он* (= стол) *достался мне по наследству* выражена неодушевленность и грамматическое значение единственного числа, когнитивированное логико-мыслительной категорией единственности. Здесь не имеет места отношение к полу, а грамматический род (мужской род) является формально-классификационным по характеру. В примере (б) подлежащее имя *пассажир* имеет своим семантическим ядром местоименные характеристики (= он) – мужской род и пол, единственное число и единственность (= один). Подлежащее здесь уже не столь «слепо», а сказуемое не столь «пусто» благодаря имени существительному.

Продолжая интерпретацию, можем сказать, что многозначность субъектного име-

ни, в частности местоимения *мы*, имеет место лишь на уровне предложения, которое не стало высказыванием, поскольку не было включено в речевой контекст (в текст или фрагмент текста в рамках определенного дискурса). Поэтому, например, предложение *Мы ждем* толкуется неоднозначно не только в отношении субъектного имени, но и в отношении предикатного глагола: (1) *Мы* (= я и ты) *ждем*, *Мы* (= я, он, она, они) *ждем*; (2) *Мы ждем* (= будем ждать) *вас на вокзале, *Мы ждем* (= не принимаем решения) *пока не получим необходимые документы. «Узорчатый рисунок» субъектно-предикатных отношений возникает благодаря не только эксплицитным, но и имплицитным сегментам субъектного имени и глагола-предиката.

О феномене языка С. Булгаков пишет: «Язык имеет богатейшие средства для выражения пространственности и временности в их разных оттенках» (с. 93). Здесь язык характеризуется лишь как средство воплощения мыслительных категорий пространства и времени без указания на то, что это средство имеет воплощенные, объективированные в нем «примитивные» признаки пространства и времени (= локальности и темпоральности). Мыслительный и языковой планы соотносятся друг с другом в семиотическом акте по закону тождества или аналогии.

С. Булгаков не обходит вниманием и грамматическую категорию числа. Он отмечает, что единственное число может выражать множество (*народ*, *толпа*), а множественное число «сплошь и рядом выражает единство (*очки*, *ворота*). Здесь предстает “единое во многом” или “многое в едином”» (с. 100). Отметим, что «единое во многом» – это логико-мыслительная единственность (один экземпляр), которая коррелирует с языковым грамматическим значением множественного числа в семиотическом акте, ср. бывшие формы двойственного числа (*ворота*). Один предмет, состоящий из двух «главных» (проминентных) частей, обозначается словами в форме множественного числа. Речь идет главным образом об именах предметов.

«Многое в едином» (*толпа*, *куча*) предполагает соотношение логико-мыслительного неопределенного множества с языковым грамматическим значением единственного

числа. В приведенных примерах речь идет не о явно выраженных, а о прогнозируемых предметах («люди», «мусор»). Это имена множества, а не имена предметов. Можно привести примеры, в которых имена существительные называют более явно не сами предметы, а форму, способ их организации, ср.: *стая* (птиц, волков), *рой* (пчел, мух). «Многое в едином» могут выражать и предметные имена (*листва*), где обозначается совокупный предмет, или предмет во множестве.

С. Булгаков связывает имя с чувственным и рациональным познанием. Он критикует И. Канта за «резкое противопоставление априорного и апостериорного» (с. 106), то есть за противопоставление чувственности и разума. Можно сказать, что, по Канту, познание сводится к отражению: восприятию впечатлений и образованию представлений и мыслительных понятий – к категоризации и концептуализации; познанию предметов посредством представлений, чувств. Исходя из этого, мышление целесообразно было бы представить как процесс синхронизации объективного и концептуального миров, как приведение их к единству. Точнее, мышление – это соотношение отражающего сознания и отражаемого сознания (человек отражает мир, как правило, не с натуры – он отражает представления о мире).

Кантовские различия между «понятием» и «представлением» – это разграничения «объема понятия» и «содержания понятия» (по Г. Фреге – экстенционального и интенционального значения; в терминах когнитивистики – концептуального ядра и когниции). Согласно С. Булгакову, слово – тот мост, который соединяет «мысль» с «чувственностью», говоря иначе – концептуальную структуру понятия с его интенционалом. Философ пишет: «Мыслить же значит соединять представления в сознании» (с. 109). Уточняя данное положение, можно сказать, что соединение представлений в сознании – формирование понятий. Соединение мыслительных понятий между собой и «вынашивание» их в виде суждений в форме языка-речи – это и есть мышление. Однако межпонятийное взаимодействие – не произвольное соединение мыслительных понятий. Все их отношения регламентированы и осуществляются по строгой схеме, по общепринятой, конвенциональной

модели с незначительными отклонениями от нее, не препятствующими пониманию. Регламентирующую функцию выполняет рассудок. Он же соотносит концептуальную систему с языковой, порождая речь, в которой межпонятийные отношения получают эксплицитное или имплицитное выражение. Оно может быть «прямым», согласованным (понятие = значение) или иносказательным, метафорическим (понятие1 = понятие2 = значение2). Доля субъективизма в выражении взаимодействия мыслительных понятий невелика. По замечанию А.Н. Радищева, люди «говорят говоренное и мыслят в мыслях другого» [Радищев, 1949, с. 388], потому что идут проторенными, или намеченными, путями как в мысли, так и в языке и речи. Мысль уже заложена в сознании как возможность. Она концептуализирована в понятиях и их отношениях. Она объективирована так или иначе (не в чистом виде!) в языковых значениях и категориях. Она становится «действительной» в речи.

Продолжая когнитологическое осмысление проблемы, считаем необходимым говорить об устоявшейся логике отношений между мыслительными понятиями, с одной стороны, и между мыслительными понятиями и языковыми значениями – с другой. О логике мысли следует вести речь в том случае, когда проводится анализ взаимодействия мыслительных концептов. Это не есть формальная логика и не есть гносеология. О грамматике мысли можно говорить в случае концептуально-семантических отношений. Логика мысли и грамматика мысли в совокупности представляют собой мышление на языке. Логика и грамматика мысли сопряжены с категориями количества, качества, модальности, причинности и др., которые С. Булгаков видит в формах глагола. Нужно заметить в этой связи, что все основные диалектические категории, выделенные еще Аристотелем, а именно: предмет, качество, количество, отношение, пространство, время – не существуют в сознании в «чистом», обособленном, автономном виде. Они обуславливают наличие друг друга, синтезируются, сопрягаются. Например, предметы мыслятся в пространстве, во времени, в отношении, в связи с количеством, с другими предметами, ср.: «Снег» – *на земле, в поле; зимой; падает, сгребать;*

сугробы, много снегу; снег на крыше. Приписывать данные диалектические категории только одной части речи, а именно глаголу, было бы неправомерно.

С. Булгаков не склонен подменять языковые категории категориями формальной логики. По мнению философа, не следует ей передоверяться: «Логика учит не мышлению, как наивно думают иные, а лишь предостерегает от формальных заблуждений» (с. 115). Таким образом, формальная логика – это не логика мышления на языке, которая строится на манипуляции вышеназванными диалектическими категориями.

Воздействующая, созидательная сила слова демонстрируется С. Булгаковым на примере известного текста из Библии, который он приводит на греческом языке: «В начале было слово – ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος» (с. 123). Следует еще раз подчеркнуть, что в оригинальной цитате речь идет не о слове, а о логосе, ср.: «В начале был логос» (с. 123). Однако если в Священном Писании речь идет о *слове*, то подразумевается не простое слово как единство звука и значения (прообраза мысли), хотя и в звуке можно усмотреть действие, дело, а *слово-мысль, слово-дело, слово-вещь*. Озвучивание слова неотделимо ни от мысли (значения), ни от дела (процесса материализации мысли), ни от *вещи* (материализованной мысли, предметного результата)! «Озвучивает» слово, конечно, Бог. Он оживляет синтетические части слова (= вычленяет из словесного целого его части) и воплощает их в конкретный результат – в вещный мир.

Анализируя проблему глубины восприятия поэтических и художественных произведений, философ указывает на различия в понимании слов и мыслей (с. 145). В этой связи возникают вопросы о том, что значит понимать слова и что значит понимать мысли. На эти вопросы когитология может дать следующие ответы:

понимать слово = (а) знать, что оно обозначает (какой предмет называет и какое понятие об этом предмете представляет); (б) знать, что выражает слово в речи,

понимать мысль = (а) знать, какой (коммуникативный) смысл наслаивается на мыслительное понятие в процессе мыслевыражения с помощью слова; (б) знать, с какими мыслительными понятиями соотносится дан-

ное понятие и какой смысловой результат порождает это взаимодействие.

Заключение

Итак, имя-слово, по С. Булгакову, имплицитно суждение. Внешнее слово – это материальное проявление «внутреннего слова» (оболочки мысли) в форме различных частей речи. Звуковое слово (речеслово) представляет собой синтез имени и мысли, имени и вещи, и в этом понимании оно родственно интегративному понятию греческого *логоса*, объединяющего слово, мысль, дело и вещь.

Отвечая на вопрос об устройстве языка, С. Булгаков подводит нас к пониманию языка как системы, организованной по природным, независимым от человека законам. Человек открывает, выводит закон из природы, а не придумывает его. Все стандартные и метафорические сочетания слов уже потенциально существуют в языке, а сюжеты для художественных произведений интуитивно выводятся авторами из того, что было или будет когда-то и где-то.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ При цитировании источника в круглых скобках указываются только страницы по этому изданию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выготский Л. С., 1934. Мышление и речь: психологические исследования. М. ; Л. : Соцэргиз. 324 с.
- Радищев А. Н., 1949. Избранные философские сочинения. М. : Гос. изд-во полит. лит. 552 с.
- Фефилов А. И., 2004. Основы когитологии : монография. Ульяновск : УлГУ. 216 с.
- Фефилов А. И., 2010. Когитология : монография. Ульяновск : УлГУ. 405 с.
- Фефилов А. И., 2012. Лингвокогитология : монография. Ульяновск : УлГУ. 210 с.
- Brugmann K., 1904. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg : Trübner. 777 S.
- Cassirer E., 2001. Gesammelte Werke. Bd. 11. Philosophie der symbolischen Formen / hrsg. von Birgit Recki. Hamburg : Meiner. XII, 330 S.

- Die Grenzen der Sprache. Sprachimmanenz – Sprachtranszendenz, 1998 / hrsg. von Ch. Asmuth, F. Glauner, B. Mojsisch. Amsterdam ; Philadelphia : Grüner. 414 S.
- Frege G., 2001. *Schriften zur Logik und Sprachphilosophie: Aus dem Nachlass*. Hamburg : Felix Meiner Verlag. 217 S.
- Heidegger M., 1960. *Unterwegs zur Sprache*. Tübingen : Verlag Günter Neske. 270 S.
- Humboldt W. von., 2003. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Über die Sprache*. Wiesbaden : Fourier. 571 S.
- Roth J. 2004. *Methodologie und Ideologie des Konzepts der Sprachwissenschaft. Fachgeschichtliche und systematische Aspekte einer soziologischen Theorie der Sprache bei Leo Weisgerber : Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie*. Frankfurt am Main. 531 S.
- Schmidt W., 1986. *Lexikalische und aktuelle Bedeutung*. Berlin : Akademie-Verlag. 130 S.

ИСТОЧНИК

- Булгаков С. Н. *Философия имени*. Париж : YMCA-PRESS, 1953. 280 с.

REFERENCES

- Vygotskiy L.S., 1934. *Myshlenie i rech: psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and Speech: psychological research]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz. 324 p.
- Radishchev A.N., 1949. *Izbrannye filosofskie sochineniya* [Selected philosophical works]. Moscow, Gospolitizdat Publ. 552 p.
- Fefilov A. I., 2004. *Osnovy kogitologii. Monografiya* [Fundamentals of Cogitology. Monograph]. Ulyanovsk, UIGU. 216 p.
- Fefilov A. I., 2012. *Lingvokogitologiya* [Linguocogitology]. Ulyanovsk, UIGU. 210 p.
- Brugmann K., 1904. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen* [Short comparative grammar of the Indo-European

languages Short comparative grammar of the Indo-European languages]. Straßburg, Trübner. 777 p.

- Cassirer E., 2001. *Gesammelte Werke*. Von Birgit Recki (Hrsg.). Bd. 11. Philosophie der symbolischen Formen [Collected Works. Birgit Recki (ed.). Vol. 11. Philosophy of symbolic forms]. Hamburg, Meiner. XII, 330 p.
- Die Grenzen der Sprache, 1998. *Die Grenzen der Sprache. Sprachimmanenz - Sprachtranszendenz* [The limits of language. The language immanence of language – transcendence], von Christoph Asmuth (ed.). Amsterdam; Philadelphia, Grüner. 414 p.
- Frege G., 2001. *Schriften zur Logik und Sprachphilosophie: Aus dem Nachlass* [Writings on logic and philosophy of language: from the estate]. Hamburg, Meiner Publ. 217 p.
- Heidegger M., 1960. *Unterwegs zur Sprache* [On the way to the language]. Tübingen, Günter Neske Publ. 270 p.
- Humboldt W. von., 2003. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Über die Sprache*. [On the diversity of the human language structure and its influence on the spiritual development of the human race. About the language]. Wiesbaden, Fourier. 571 p.
- Roth J., 2004. *Methodologie und Ideologie des Konzepts der Sprachwissenschaft. Fachgeschichtliche und systematische Aspekte einer soziologischen Theorie der Sprache bei Leo Weisgerber. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie* [Methodology and ideology of the concept of linguistics. A sociological theory of language by Leo Weisgerber. Inaugural dissertation for obtaining the degree of Doctor of philosophy]. Frankfurt am Main. 531 p.
- Schmidt W., 1986. *Lexikalische und aktuelle Bedeutung* [Lexical and actual meaning]. Berlin, Akademie Publ. 130 p.

SOURCE

- Bulgakov S.N. *Philosophy of the Name*. Paris, YMCA-PRESS, 1953. 280 p.

Information About the Author

Alexander I. Fefilov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Dean of the Department of Linguistics, Intercultural Cooperation and Professional Communication, Head of the Sub-Department of General and German Language Science, Ulyanovsk State University, L. Tolstogo St, 42, 432970 Ulyanovsk, Russia, aiffai@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9922-405X>

Информация об авторе

Александр Иванович Фефилов, доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики, межкультурных связей и профессиональной коммуникации, заведующий кафедрой общего и германского языкознания, Ульяновский государственный университет, ул. Л. Толстого, 42, 432970 г. Ульяновск, Россия, aiffai@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9922-405X>